

Ден Истен

Спасти Вунни

18+

Ден Истен

Спасти Винни

«Автор»

2023

Ден Истен

Спасти Винни / Ден Истен — «Автор», 2023

С целью создания нового наркотического вещества похищают ученого-химика. Похитители ставят его перед выбором: либо он проявляет все свои таланты и предоставляет им рабочую формулу наркотика, либо его ждет смерть. На помощь несчастному приходят Капитолина Алексеевна Бойцова (баба Капа) и Евгений Колосов (Ушан). И если первая оказалась в нужном месте и в нужное время совершенно случайно, то второй искал похищенного целенаправленно, поднимая былые криминальные связи. В книге упоминаются герои и события из рассказа «Стечение обстоятельств» (сборник «Баба Капа») и из романов «Капитолина-2» и «Капитолина-3». Названия населенных пунктов вымышлены, совпадения с реальными событиями невозможны.

© Ден Истен, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ден Истен Спасти Винни

Пролог

Комната выглядела вполне прилично: дизайнерские обои, полукруг из точечных светильников на натяжном потолке, на полу – паркетная доска. У стены стоял большой стол с тремя изогнутыми мониторами, у окна расположился другой стол, узкий и стеклянный, с кофемашиной и подносом с одноразовыми стаканчиками и ложками. У второго окна – обтянутый искусственной кожей диван, рядом примостилось кресло, тоже кожаное.

Современно и аскетично.

Но Веня Пухов упорно сравнивал комнату с темницей в средневековом замке. А все потому, что он тут оказался не по своей воле! А еще потому, что за плотными жалюзи стояли окна со звуконепроницаемыми бронестеклами, способными выдержать попадание пули. Стрелять в них Веня не пробовал (нечем), а вот стулом выбить пытался – даже царапины не осталось. И не открыть никак – в торцы ручек врезаны замки. Ни проветрить, ни сбежать, ни на помощь позвать.

Веня яростно потер глаза и несколько раз моргнул. Сказывались длинные бессонные ночи и ударные дозы кофе – он чувствовал себя даже не вялым, а каким-то совершенно отупевшим, словно алкоголик после затяжных возлияний. Картину дополняли заторможенные движения и учащенное биение сердца, толкающего по сосудам отравленную кофеином кровь.

Он потер виски и невидящим взглядом уставился в черные мониторы. Пошевелил мышкой, пробуждая изображение на экранах и, вздохнув, опустил пальцы на беспроводную клавиатуру.

В голове было пусто и тоскливо, словно в сыром переулке с летающими на ветру газетами.

Веня, решив, что надо взбодриться, подошел к кофемашине и выбрал капсулу с самым крепким кофе. Посомневавшись немного, бросил ее обратно в коробку и вышел из комнаты. С ненавистью посмотрел на массивную металлическую дверь, отсекающую второй этаж от внешнего мира, и направился по коридору в ванную комнату.

Как же ему за неделю надоел этот маршрут! Он словно особо опасный заключенный, вынужденный ходить по тюремному дворику под присмотром охраны: от стены до стены, без права выйти за периметр из каменных стен и колючей проволоки.

В небольшой, упакованной в темный кафель, ванной он резко повернул рычаг смесителя вправо и одновременно дернул вверх.

Ледяная вода неприятно обожгла лицо, но Веня упорно умывался. Закрыв кран, посмотрел на отражение: тусклые глаза с красными прожилками, покрытые куцей растительностью щеки и унылая капля, стекающая с пухлого носа.

Полюбовавшись отражением и не найдя причин для радости, он вытер лицо бумажным полотенцем и вышел в коридор. Подумав немного, толкнул дверь лаборатории. Пошарив по стене, нащупал выключатели.

Многочисленные люминесцентные лампы осветили большую комнату с бегущими под потолком вентиляционными коробами. Белоснежные стены, отражая холодный свет, придавали лаборатории мертвящую атмосферу морга.

Веня прошел вдоль столов, затянутых в транспортировочную пленку, открыл-закрыв дверцы пустых шкафов для хранения химреактивов, потрогал коробки с пробирками и колбами. На стульях стопкой лежали запечатанные в полиэтилен халаты, перчатки и шапочки – все белоснежное и стерильное. В углу – две большие пластмассовые емкости с порошкообраз-

ным веществом – основой для будущего «коктейля». У дальней стены аккуратными рядами стояли деревянные ящики с дорогостоящим оборудованием.

При других обстоятельствах он бы только радовался новой лаборатории, потому что в родном НИИ высокомолекулярных соединений и биохимии, где все держалось на голом энтузиазме и синей изоленте, о такой роскоши можно было только мечтать.

О том, сколько денег вбухали его похитители, Веня мог только догадываться. Все было основательным, дорогим, с явным прицелом на долгое производство. Лишнее доказательство того, что никто не собирается делать ему поблажки: это не детский сад, где за твои капризы поставят в угол – здесь просто открутят голову.

Веня опустил на новенький стул и, обхватив голову, погрузился в мрачные размышления.

Все началось с того злополучного интервью одному федеральному каналу... Хотя нет, интервью было потом. Все началось с того, что Веня вместе с командой аспирантов химико-биологического факультета разработал препарат, способный вызывать у белых мышей состояние длительной эйфории. Мыши на все реагировали благожелательно: на яркий свет, отрицательные температуры, продолжительные голод и жажду, отсутствие сна. Им было в буквальном смысле на все фиолетово – они улыбались. И когда один из аспирантов поставил перед ними кактус – они с удовольствием его сожрали, несмотря на колючки. Спустя месяц им прекратили давать экспериментальный препарат, и мыши впали в черную депрессию: они лежали безжизненными белыми комочками, не реагируя на внешние раздражители и игнорируя пищу. Вернуть им хорошее настроение помогла повторная доза, отчего молодые ученые сделали вывод – препарат вызывает стойкую зависимость.

О Вениамине Константиновиче Пухове тиснули заметочку в журнале «Веселый катализатор», затем пригласили на телевизионную передачу, где он, опьяненный успехом и вниманием, имел неосторожность прихвастнуть, что при должной доработке и некоторых финансовых вливаниях, он бы смог создать препарат, способный сделать всех людей счастливыми. И препарат этот имел бы побочные эффекты не страшнее, чем у аспирина. И себестоимость такую же.

Спустя месяц, когда страсти вокруг Вени поутихли, его встретили крепкие ребята на машине без номеров, надели на голову черный пакет и долго везли в неизвестном направлении, по пути высказывая угрозы в его адрес и в адрес жены. Привезли сюда, сняли пакет и сказали, что ждут обещанный в телевизоре препарат, и пусть его не волнует финансовая сторона – все необходимое будет – только твори. Единственное, в чем наотрез отказали – это лабораторные мыши. Сказали, что испытывать «коктейль» будут сразу на людях (опустившихся торчков – как грязи), и настоятельно посоветовали не открывать свое маленькое кладбище и с первого раза все сделать красиво.

И сроки обозначили – три недели.

На вопрос, а что будет, если он не даст результат через три недели, ему ответили (с особой грустью в голосе), что если в положенный срок у них не будет «коктейля», то у Вени – не будет жены.

Он под давлением железных аргументов составил список необходимого оборудования, хотя понятия не имел, как справится один. Но страх за жену и собственную жизнь заставлял изображать готовность к сотрудничеству.

И вот теперь он сидит здесь, в этой новенькой лаборатории, смотрит на свою жалкую тень на светлом кафельном полу и гоняет невеселые думы, кляня себя за неуместное хвастовство и излишнюю самоуверенность.

И зачем он только пошел в этот телевизор?! Пусть бы это все оставалось в стенах родного НИИ! Зачем?!

«Молчание – золото», – пришел к выводу Веня и стал размышлять о жене. Злость на себя сменилась на тихую грусть по ней. Интересно, как она там? Страдает, наверное, от неизвестности.

Веня мучительно застонал. Чувство вины, помноженное на ощущение собственной беспомощности, буквально сдавило голову железным обручем. Он, чувствуя, что больше не в силах здесь находиться, встал и быстро вышел из лаборатории.

Вернувшись в свой кабинет-камеру, он сел за стол и попытался сосредоточиться на формулах, но в коридоре хлопнула дверь, затем в комнате появились двое охранников, за эту неделю ставших для него олицетворением вселенского зла. Особенно этот бородатый крепыш, по всей видимости, главарь. Он держал в левой руке пакет с логотипом кафе быстрого питания, а правой рукой подкидывал тяжелый фонарь с длинной ручкой. Второй охранник, чисто выбритый и худощавый, тоже не внушал симпатии. Их имен Веня не знал, но это не имело значения: преступники и подонки – вот их имена!

– Кушать подано! – с издевкой объявил бородатый и швырнул пакет на столик с кофемашиной.

– Спасибо, – выдавил Веня.

– Фу, да тут топор вешать можно! – поморщился худощавый, порылся в кармане черных джинсов и вытащил ключ. Подняв жалюзи, открыл одно окно, затем проделал те же самые манипуляции со вторым – ворвавшийся сквозняк быстро выгнал спертые запахи, наполнив комнату свежим, чуть отдающим горьковатой хвоей, воздухом.

Бородатый встал за спиной Вени и ткнул фонарем в мониторы.

– Слышь, неделю у тебя на экране одна и та же хрень! Буковки, циферки какие-то!

– Это формулы.

– Твои формулы по вене не пустишь! Или думаешь, что ты в отеле на полном пансионе?!

– Я стараюсь.

– Плохо стараешься! Столько бабла в тебя вбухали, лабораторию устроили, всяких склянок закупили, а ты только стараешься?! Нам результат нужен!

Веня не выдержал и повернулся.

– Я говорил, что мне нужен помощник?! Говорил! Мне нужен ассистент, желательно лаборант или студент последнего курса химфака!

– А бабу тебе сюда не вызвать?! – бородатый угрожающе постучал массивным фонарем о левую ладонь.

– Дайте хотя бы выход в интернет! Я поговорю с коллегами, посоветуюсь!

Бородач посмотрел на него с таким враждебным изумлением, словно Веня попросил его сделать что-то очень неприличное.

– За идиотов нас держишь?

– Я никому ничего не скажу! Мне нужно посоветоваться!

– Так посоветуйся со мной, – неожиданно предложил худощавый.

Веня перевел на него недоверчивый взгляд.

– С вами? Вы химик?

– Еще какой! – с усмешкой подтвердил тот. – По малолетству бомбочки из бертолетовой соли делал – училоч в школе пугал. Или вот с карбидом приколы устраивали: кусочек карбида в банку кидаешь, водичкой слегка смочишь, потрясешь и поджигаешь. Взрывалось. Там еще какой-то дым выделялся вонючий. Весело было.

– Это не дым, а газ. И называется он ацетилен, – процедил Веня. – И как вы с такими скудными познаниями собираетесь мне помочь?

Худощавому очень не понравился ответ. Он схватил Веню за шею и пригнул к столу.

– Слышь, алхимик, а ты чего такой дерзкий?! Посмотрим, как ты переломанными пальцами будешь по клавиатуре стучать!

– Остынь! – прикрикнул бородатый. – Если с ним что-нибудь случится, то пальцы сломают нам!

Тот нехотя отпустил его и отошел в сторону. Бородатый скомандовал:

– Ну-ка, встань!

– Зачем? – испугался Веня и на всякий случай вцепился в подлокотники кресла.

Бородатый поставил фонарь на стол, обеими руками схватил Веню за воротник рубашки и буквально выдернул из кресла. Подтащил к окну.

– Что видишь?!

– Дома вижу.

– А за домами?

– Лес.

– Осину видишь? Так вот, если через две недели ты нам не дашь результат, я тебя лично за яйца подвешу на той осине! Я понятно выражаюсь?!

– Понятно, – выдавил Веня.

Бородатый подарил ему болезненный тычок в плечо и вышел. Худощавый запер окна и тоже удалился.

Веня с ненавистью посмотрел на закрывшуюся дверь, затем снова развернулся к окну. Среди возвышающихся вдалеке деревьев осин не было – лес был хвойным, но это совершенно не меняло сути: болтаться на осине или на кедре – удовольствие одинаково сомнительное. А в том, что похитители от слов перейдут к делу, он несколько не сомневался.

Веня с тяжелым вздохом развернул принесенный пакет, от которого пахло жареной курицей. Оторвал ножку, грустно обглодал ее и выкинул кость в корзину для мусора, наполненную смятыми салфетками, одноразовыми стаканчиками и пустыми кофейными капсулами.

Вытерев жирные пальцы, он вернулся за стол. Машинально отодвинул забытый бородатым фонарь и устался в мониторы.

Ничего не хотелось, не могло, не думалось. Веня просто физически ощущал, что ему необходимо с кем-то разделить горечь своего положения, выплеснуть страх. И тут пришла идея: надо вести дневник. Он взял блокнот для записок и занес ручку над разлинованной страницей. Погрыз кончик и натолкнулся взглядом на фонарь. Взял его в руки и внимательно рассмотрел: мощный, тяжелый, с прорезиненным корпусом и усиленной сталью кромкой. Такую вещь можно использовать не только по прямому назначению – для освещения, но и в качестве ударного предмета.

Веня нажал на кнопку и тут же зажмурился от яркого света, резанувшего воспаленные глаза.

Глава первая

И зачем она только ввязалась в эту авантюру?

Капа покосилась на Ежевичкина. Тот, уперевшись растопыренными пальцами в землю, пытался сесть на поперечный шпагат. При этом он старательно и, будто нарочно, раздражающе громко пыхтел.

– Егор, что ты делаешь?! – не выдержала она.

Он слегка шевельнулся – ноги разъехались еще чуть-чуть. Поднял на нее покрасневшее лицо и просипел:

– Ты же прекрасно видишь! Хочу сесть на шпагат!

– И зачем? Какая в этом жизненная необходимость?

– Растяжка улучшает кровообращение и укрепляет мышцы!

Капа фыркнула.

– К чему такие сложности? Я знаю более безопасный способ.

– И какой же?

Она скрестила руки на груди:

– Для этого достаточно окончить балетную школу, попасть в Большой театр, обрасти любовниками и поклонниками, поссориться со всеми, со скандалом вылететь из Большого театра. Ноги сами будут разъезжаться в шпагате: хочешь – в продольном, хочешь – в поперечном, хочешь – в бане, хочешь – на Мальдивах.

Ежевичкин поднялся и отряхнул руки:

– Капа, ты мне долго будешь зубы заговаривать, а? Мы с тобой как договорились? Здоровый образ жизни, утренняя гимнастика, бег...

– У меня давление! – возмутилась она. – Ты знаешь об этом!

Губы Ежевичкина тронула скептическая улыбка.

– Какие нелепые отмазки. Когда нужно, ты отлично бегаешь, несмотря на давление. Ну, хорошо. Пусть будет не бег, а ходьба. Но ходьба быстрая, энергичная, на свежем воздухе и не менее часа. Мы тут уже полчаса, однако я так и не увидел, чтобы ты сделала хоть какое-то упражнение. Одна болтовня.

Капа отошла на пару шагов, вытянула руки перед собой и стала приседать.

– Вот так, да?! Вот так, да?! Ты доволен?!

– А ты мне одолжений не делай! И не халтурь! Присед неполный!

Она, кряхтя, сделала полный присед. Ежевичкин заложил руки за спину и принялся прохаживаться вперед-назад:

– Похвально! Но что у нас с энтузиазмом?! Не вижу блеска в глазах! Ладно, отставить приседания! Наклоны в стороны! Ноги на ширину плеч!

Капа выпрямилась, расставила ноги и принялась делать наклоны в стороны.

– Сильнее, сильнее прогибайся! – командовал Ежевичкин.

– Уже прогнулась! Жила тихую жизнь, никого не трогала! Почти! Нарисовался на горизонте! – бурчала она. – Егор, может, нам лучше расстаться?!

– Теперь наклоны вперед! Хорошо, согласен! Забираю Сусанну! Сильнее наклоны!

– Кошку?! Кошку не отдам! Забирай утюг!

– О, да у тебе опыт в дележке имущества! Подумаю! Теперь бег на месте! Руки согнуть в коленях!

– Это как?

– Совсем уже заговорился с тобой! В локтях руки согни!

Капа не стала сгибать руки ни в коленях, ни в локтях – она села и капризно заявила:

– Надоело! Зачем мне это?!

Ежевичкин присел рядом, сорвал травинку и засунул в рот.

– Ленивая ты.

Она расправила руки и легла на траву. Прищурилась от солнца и улыbnулась.

– Пусть так. Моя лень никому не вредит.

– Тебе вредит.

– Зануда ты. Зачем куда-то бежать, ноги в локтях сгибать, наклоны эти, приседания, когда можно просто лежать и наслаждаться жизнью? Этим небом, тишиной.

Ежевичкин прилег рядом и, жуя травинку, принялся созерцать проплывающие облака. Насчет тишины Капа, конечно, преувеличила – несмотря на будний день, в парке было многолюдно и шумно, но небо действительно завораживало: лазурное, бесконечное, с редкими перышками облаков и маленьким самолетиком, оставляющим за собой двойной белый след.

– Ну да, в этом что-то есть, – согласился он. – Но скучно.

– Хочешь, можем прогуляться? – предложила она, вставая.

Ежевичкин поднялся и отряхнулся.

– Пойдем. Ленивая ты, говорю же, – вздохнул он и добавил мстительно. – В следующий раз тебя в парк не беру – буду один гимнастикой заниматься.

– Фу, какой злопамятный! – засмеялась она, взяла его за руку и повела по аллее старого парка – излюбленного места досуга горожан всех возрастов. Чинно прогуливались пожилые люди, бегали молодые спортсмены, носились дети на самокатах и ездили подростки на велосипедах. Кто-то осваивал ролики.

На скамеечке, под раскидистым кленом, сидел старичок. Он морщил лоб и крутил колесико миниатюрного радиоприемника, который при своих младенческих габаритах орал совсем как взрослый:

– ... *Как сообщается, от лесных пожаров пострадало около пятисот домохозяйств. Власти региона не забыли пообещать погорельцам традиционную компенсацию в размере 10 тысяч рублей...*

Пальцы крутанули колесико, перестраивая приемник на другую волну.

– ... *и нескольких тонн контрафактных мягких игрушек. Особой популярностью у детей пользовался Микки Маус...*

Колесико провернулось.

– ... *который вместе со своим сообщником был пойман оперативниками Вулканогорского уголовного розыска на исходе вторых суток...*

Старичок посетовал, яростно накручивая колесо:

– Да что ж такое?! Одни новости! Песню бы какую душевную!

Наконец, сквозь помехи и треск прорвалась песня «Как молоды мы были». Морщины на лбу старичка разгладились, а глаза закрылись в блаженстве. Он вытянул ноги в стоптанных туфлях и весь обмяк, отдаваясь льющейся из динамика мелодии.

Они замедлили шаг.

– Хорошая песня, – сказал Ежевичкин.

– Хорошая, – согласилась Капа и добавила со вздохом. – Но почему-то с каждым годом слышать ее все грустнее.

Она крепче сжала его руку.

Впереди наблюдалось небольшое скопление людей. Возле памятника Пушкину стоял невысокий полный человек в мятом костюме. Судя по его напряженному лицу и нервному покашливанию, он явно к чему-то готовился. Люди – обычные прохожие – терпеливо ждали.

Капа и Ежевичкин встали в стороне. Оратор погладил бронзовую ногу Пушкина (видно, на удачу) и вскинул правую руку. Важно выпятил нижнюю губу, сдул челку с потного лба и с жаром продекламировал:

Легко ли сочинять стихи, хотите вы спросить?

*Легко ли заплести из слова кружева?
Да так – чтоб в печень?! До глубин души?!
До самой кромки вросшего ногтя?!
Я вам отвечу как поэт, как гений
И как творец, обласканный судьбой,
К чьей мраморной последней колыбели
Потянутся народной тропой:
Надеть слова на нить души ранимой –
Совсем не мясо на кривой шампур.
Дотронуться строкой, прекрасной, милой –
Не шлепнуть девушку игривою рукой!
Творить, любить, страдать – удел поэта,
Средь миллиона слов найти одно
Вам не дано!*

Он выдохнул, промокнул рукавом пот и картинно поклонился под жиденькие аплодисменты.

– Тебе понравилось? – спросила Капа.

– Нет, – не задумываясь, ответил Ежевичкин. – У нас в команде кок был – он тоже нечто подобное сочинял. Так и говорил про свое творчество: что попало. И готовил так же. Вот, что он успел сочинить, перед тем как его на берег списали. Настолько редкостный бред, что я даже запомнил.

Ежевичкин поставил ногу на бордюр и, вытянув руку, завыл:

*Я морковочку в ломтик скрошу,
И говяжьсы кости промою,
И лучок тонким кругом взрублю,
И свеколку нарежу с любовью!
Сухари мелкой пылью взрыхлю,
И просею муку белым снегом,
И белки от желтков отделю,
И все это – в духовку с разбега.
Я готовлю, пеку и варю!
Я творец в белоснежной одежде!
Каждый день в моем скромном меню
На тарелках любовь и надежда!*

Капа захохотала.

– Какая прелестная чушь! Что попало!

– Потому и списали на берег – замучились это слушать и есть несочетаемое, – ответил Ежевичкин и обернулся на звук аплодисментов. Сквозь хлопающую толпу протиснулся тот самый поэт, почтительно кивнул и принялся яростно трясти ему руку, вращая глазами.

– Коллега, весьма впечатлен! Весьма! Прекрасные стихи! Слог, экспрессия, дерзость! Великолепно!

– Да это не я... – жалобно начал Ежевичкин, но поэт категорично помотал головой.

– Не скромничайте, коллега. И давно пишете? Публикуетесь?

– Да эти стихи...

– Понимаю. Вы скромный алмаз, который стесняется назвать себя бриллиантом. Как насчет совместных творческих вечеров?

– Понимаете...

– Прекрасно понимаю. Но нам не платят. Поэзия, тем более высокая, сейчас не в чести. Но могу обещать чаепитие с пряниками.

– А можно я подумаю? – торопливо спросил Ежевичкин, опасаясь, что его снова перебьют.

– Конечно. Но прятать свой талант в стол – в высшей степени неблагоприятно. Искусство должно принадлежать народу, коллега. Не смею задерживать более. Прошу запомнить: завтра, в субботу, на этом же самом месте мы будем читать стихи. Будем рады видеть вас и вашу музу. До свидания.

– До свидания! – в унисон и с облегчением ответили пенсионеры.

Поэт порывисто дернул потной челкой и гордо удалился.

– Он меня твоей музой назвал! – похвасталась Капа.

– Пойдем домой, ленивая муза.

Ежевичкин еще раз похлопал по карманам и вывернул подкладку.

– Наверное, выронил, когда шпагат делал, – неуверенно предположил он.

Капа сделала на лице строгое выражение.

– Раззява! И шпагат не сделал, и ключи потерял!

– Я сейчас, – Ежевичкин потянулся к кнопке вызова лифта, но в шахте загудело, и кабина поехала вверх. Тогда он махнул рукой и побежал по ступеням вниз.

Капа поковыряла ногтем замок, подергала за ручку – а вдруг? Но чуда не случилось. Со стороны квартиры раздалось короткое мяуканье.

– Сусанна, открой! – попросила Капа.

Разумеется, просьба так и осталась просьбой. Кошка почесала когти о дверь и затихла.

Капа постояла немного в раздумьях. До парка, если бегом, то десять минут, обычным шагом – вдвое дольше. И неизвестно, сколько времени уйдет на поиск ключей в траве. В общем, можно смело отмерять полтора часа. Ну, час в лучшем случае. И не факт, что Егор вообще их найдет.

Наверху открылась дверь, послышались голоса.

– В общем, смету составлю, пришло по электронке, а дальше уже согласуем дату. Договорились?

– Да, договорились. До свидания.

По лестнице спустился мужчина лет 35, с простым, ничем не примечательным лицом. В руке он держал прозрачную папку-конверт. Увидев Капу, присевшую перед дверью, спросил:

– Случилось что?

– Ключи потеряла.

– Засада. И долго сидите?

– Неделю, – буркнула Капа, мельком глянув на бесполезного незнакомца. Вот не любила она вопросы ради вопросов.

– Так вызвали бы кого-нибудь. Есть специальные замочные службы.

– Телефон забыла в квартире.

– У соседей бы попросили.

Капа не ответила. Незнакомец вдруг с подозрением прищурился:

– А это точно ваша квартира?

Капа прищурилась в ответ.

– А что, есть сомнения?

– Есть. Другой бы на вашем месте к соседям пошел или службу замочную вызвал, а вы неделю тут сидите. Я могу вскрыть, у меня и инструмент в машине есть, да только подозрительно все это выглядит. Попахивает незаконным проникновением в жилище. Статья такая есть.

– Откуда такие богатые познания? Личный опыт?

– Жена бывшая в уголовном розыске работает. Не здесь, в Вулканогорске.

Капа поджала губы. Назойливый тип начинал раздражать.

Она позвонила в соседнюю квартиру.

– Маша, ты меня знаешь? – спросила она миловидную молодую женщину, открывшую дверь.

– Баба Капа, что с вами? – испуганно спросила соседка.

– Где живу, знаешь? – Капа требовательно побарабанила по стене.

Палец соседки показал на соседнюю квартиру.

– Здесь. Баба Капа, что с вами? Вам плохо, да?

– Мне хорошо. Ключи потеряла.

– Так заходите! – с готовностью предложила соседка. – Вызовем кого-нибудь!

В глубине квартиры заплакал ребенок. Соседка засуетилась, не зная, бежать к ребенку или остаться с ней.

– Беги к дитю, я сама разберусь! – сказала Капа и закрыла дверь.

Любопытный незнакомец вопросы больше не задавал – он, встав на одно колено, внимательно изучал цилиндрический замок, в народе называемый «личинкой».

– Высверлить надо, а потом замок сменить.

– Я уже на все согласна.

– Пару минут подождите, я к машине спущусь за инструментом.

Пока он ходил, Капа от нечего делать попыталась сесть на шпагат. Попыхтела немного и, расписавшись в собственном бессилии, оставила эту затею.

Незнакомец поднялся по лестнице, держа в правой руке чемоданчик. Из кармана джинсов торчала толстая рукоятка отвертки. Он положил чемоданчик на пол, раскрыл и вынул аккумуляторную дрель, с деловитым видом выбрал нужное сверло и вставил в патрон. Дрель пару раз весело вжикнула вхолостую, уперлась сверлом в замок, чуть ниже скважины для ключа, и принялась вгрызаться в латунную поверхность.

Капа с интересом наблюдала за тем, как ей портят замок. Наконец, он вынул сверло из отверстия и ударил пару раз рукояткой отвертки по сердцевине, затем, развернув отвертку, вставил ее в скважину и легко провернул два раза против часовой стрелки. Нажал на ручку и потянул на себя – дверь легко открылась.

– Ты ж моя прелесть! – Капа аж подпрыгнула от восторга.

Мужчина тоже подпрыгнул, но не от радости (и даже не от гордости), а от вцепившейся в лицо черной кошки, вылетевшей из квартиры. Он с криками бросился вниз по лестнице, пытаясь оторвать животное от лица.

– Сусанна! – завопила Капа и побежала следом. – Свои! Да ёшкин кот!

Страдалец на заплетающихся ногах преодолел пару этажей, но был остановлен ящиком для картошки. Налетев на него с разбегу, он упал, а кошка, коротко мяукнув, мягко приземлилась на четыре лапы.

– Сусанна, это что было?! – строго прикрикнула подоспевшая Капа, но кошка škodливо вильнула хвостом и побежала по лестнице вверх.

Капа внимательно осмотрела его глубокие царапины на лбу и правой щеке.

– Простите, пожалуйста. И спасибо.

– Хороша благодарность, – мужчина вытащил платок и приложил к щеке.

– Пойдемте ко мне, обработать надо.

– Обойдусь! Инструмент пойду заберу!

Они поднялись на шестой этаж. Кошка сидела возле двери и невозмутимо помахивала хвостом.

– Охраняет! – с гордостью прокомментировала Капа.

Мужчина принялся собирать инструмент, враждебно поглядывая на кошку.

– Лучше бы двери изнутри открывать научили. Воспитали какого-то Цербера и радуется.

Капа рассмеялась.

– Тебя как зовут? Ничего что на «ты»?

– Валяйте. Максим.

Он встал, засунул отвертку в карман и поднял чемоданчик.

– Максим, может, зайдешь? Раны твои обработаю, – предложила Капа.

Он коснулся царапин и поморщился.

– Сильно?

– Сам увидишь. Заходи.

Через пять минут Максим с пластырями на щеке и лбу сидел в маленькой кухне и пил чай. Кошка Сусанна, расположившись на подоконнике, посматривала на гостя и размахивала хвостом. В ее желтых глазах не было вражды. Впрочем, вины тоже не наблюдалось.

Максим прихлебнул из чашки и оглядел кухню. Ковырнул ногтем край обоев.

– Обои я бы переклеил, а под шкафчиками фартук надо протянуть, от мойки до холодильника. Из натурального камня.

Капа поставила перед ним розетку с вареньем.

– И сколько стоит фартук из натурального камня?

Максим озадаченно потер ухо и согласился.

– Ну да, дорого. Ну, тогда из ПВХ – он дешевле.

И вытянул из нагрудного кармана визитку.

– Надумаете – обращайтесь. Для пенсионеров скидки.

Капа придвинула к себе белый прямоугольник и медленно прочитала:

– Илларионов Максим. Генеральный директор. Компания «МаксиСтрой». А что ж ты, генеральный директор, сам на объекты выезжаешь?

– Да у меня пока пять человек в подчинении. Людей не хватает, а визитки – для солидности, – улыбнулся он и засунул в рот ложку варенья. – Вкусное! Жена у меня, вторая которая, не умеет варить варенье. Ну там понятно – творческий человек, вся в искусстве. Какое варенье – ей Рембрандта подавай. Искусствовед.

– А первая? Варила?

– Первую я вообще не видел. У той свои увлечения: трупы и ночные дежурства. Несчастный я человек.

Максим протяжно вздохнул.

В прихожей скрипнула дверь, послышалось невнятное бормотание. Капа выглянула из кухни – Ежевичкин сидел на корточках и в недоумении рассматривал искалеченный замок.

– Капа, зачем замок ломать?

– Ты ключи нашел?

– Нет.

– Вот тебе и ответ. У нас гость.

На кухне он поприветствовал Максима и выслушал объяснения от Капы. Выходка Сусанны его возмутила.

– Сколько стоят ваши услуги? Моральный ущерб тоже готов возместить, – он полез за кошельком.

– Ничего не надо, – сказал Максим. – Вы мне лучше кошечку в аренду дайте.

– В каком смысле? – опешил Ежевичкин.

Максим развел руками.

– Крысы замучили, понимаете. Домик у меня есть в Кедровой Балке, так там крысы пешком ходят. А кошка у вас боевая.

– А Кедровая Балка – это где? – поинтересовалась Капа.

– В двадцати километрах от города.

Ежевичкин помотал головой и все-таки вытащил кошелек.

– Максим, вы извините, но кошку мы вам отдать не можем. И потом, без нас вам с ней не справиться. Сумму назовите, пожалуйста.

Максим вдруг улыбнулся, настолько широко, что пластыри на лице собрались в гармошку.

– Так поехали вместе. Домик у меня уютный, рядом лес, озера. А воздух какой! Отдохнете недельку. Продукты по дороге купим, вы только постельное белье с собой возьмите.

– Что, и рыбалка есть? – живо заинтересовался Ежевичкин.

Максим фыркнул.

– Там три озера! Я сам не рыбак, но соседи хвалят – говорят, рыбы валом. Удочки возьмите. Сейчас и поедем, мне все равно туда надо – кое-что из инструмента забрать.

Ежевичкин повернулся к Капе.

– Поедем? Что в этом пыльном городе делать? Да и Сусанне раздолье.

– А дверь мы лопатой подопрем? Замка-то нет.

– Тут за углом ключи вытаскивают и замки продают. Его вставлять – три минуты! Я сам все сделаю! – сказал Максим и добавил жалобно. – Поехали, а? Отвезу, через неделю заберу. Или раньше, если надоест. Поехали?

Архитектура Кедровой Балки представляла собой сборную солянку домов всех типов: были здесь и осыпающиеся саманные лачужки с кривыми трубами, и традиционные дома из бруса, и безликие блочные штамповки, и кирпичные с черепичными крышами. На месте некоторых и вовсе зияли ямы котлованов или лежал строительный мусор.

– Земля здесь дорожает с каждым годом. Уж больно места живописные, – сказал Максим, объезжая дорожные колдобины. – С газом, правда, беда – слишком дорого от магистрали тянуть. Газ, насколько знаю, только в том доме есть.

Он показал на двухэтажное строение, возвышающееся на фоне леса.

Машина, попрыгав на ухабах, свернула и остановилась у одноэтажного кирпичного дома, на участке которого колосилась высокая трава. Забора не было, но присутствовал намек на него – вкопанные по периметру опорные столбы.

– Приехали! – объявил Максим и вылез из машины. Пассажиры последовали примеру.

Капа с удовольствием потянулась и шумно втянула носом воздух.

– Елочкой пахнет!

Ежевичкин отпустил кошку на землю, которая тут же юркнула в густую траву, и помог Максиму вытащить из багажника спортивную сумку, два пакета с продуктами и телескопическую удочку.

– Насчет рыбалки у соседей спросите, Егор Александрович, – сказал Максим, захлопнув багажник.

Он открыл входную дверь с маленьким витражным окошечком и сделал пригласительный жест. Едва гости зашли в дом, принялся деловито тыкать пальцем по сторонам.

– По минимуму пока, но для жизни хватает. Две комнаты. Под чехлами диван, кресло. Вон та дверь – санузел. Бойлер...

– Санузел в доме? Обожаю теплые сортиры! – сказала Капа.

– Да. Бойлер включается на кухне.

Они пересекли комнату, совмещенную с маленькой кухней. Капа провела пальцем по запыленному столу.

– Я здесь почти не бываю. Так, заезжаю иногда за инструментом. У меня тут рабочие два месяца жили – те за порядком особо не следили, – извиняющимся тоном сказал Максим и принялся открывать кухонные шкафчики.

– Тарелки, чашки, ложки. Вода включается под мойкой. В общем, разберетесь. Холодильник сейчас врублю.

– Мне нравится! – вынесла свой вердикт Капа.

Домик, несмотря на некоторое запустение, был действительно уютным. А пыль – ее и стереть можно.

На улице раздался шум и короткое мяуканье. Все одновременно выглянули в окно. Среди высокой травы, словно акулий плавник в океанских волнах, двигался черный хвост Сусанны: стремительно, резко меняя направление. Раздался короткий победный рык, показалась голова кошки, в зубах которой трепыхалась жирная крыса. Резкий взмах – и крыса, вращая голым хвостом, полетела в сторону дороги. Кошка снова исчезла в траве.

– Ты ж моя красавица! – в полном восторге закричал Максим.

Капа толкнула локтем Ежевичкина.

– Егор, в нашей квартире нужно срочно завести крыс. Или мышей.

– Зачем?

– Не видишь, что Сусанне не хватает большой охоты? Иначе объектом станешь ты.

– А ты?

– А я здесь останусь.

Капа с удовлетворением взглянула на плоды почти трехчасовых стараний: сверкающую мебель, прозрачные, словно слеза младенца, окна и чистый пол. На кухонном столе, тоже чистом, горкой громоздилась вымытая посуда. В кресле позевывала довольная удачной охотой Сусанна. Идеальную тишину нарушал лишь судорожно хрипящий старый холодильник, охлаждающий в своих недрах продукты.

Вернулся Ежевичкин, который все это время шаркался по селу и знакомился с местными. Вид он имел загадочный.

– Разувайся, я полы вымыла! – скомандовала Капа.

– Да я заходить не буду. Я тут с соседями на рыбалку собрался. Пойдешь?

– Я не рыбак, – отмахнулась она.

– У озера посидишь, свежим воздухом подышишь.

– Завтра прогуляюсь. Мне еще ужин надо приготовить. Ты иди.

Ежевичкин притворно вздохнул, взял прислоненную к стене удочку и вышел. Капа подхватила полусонную Сусанну на руки.

– Сусанна, хочешь научу линди-хоп танцевать? – спросила она и закружила по комнате.

Кошка, ошалело глядя на вращающуюся вокруг комнату, выпустила коготки и оскалилась в протестном шипении. Спрыгнула с рук и взобралась обратно в кресло. Глядя на хозяйку, повертела лапой у уха и свернулась калачиком.

Капа вздохнула и поплелась на кухню.

В дверь постучали.

– Открыто!

В дом просунулся седой мужчина с обвислыми усами.

– Доброго вам денечка! – поприветствовал он. – Позвольте зайти?

– Конечно. Здравствуйте.

Гость зашел и протянул руку.

– Давайте знакомиться? Сосед. Тараскин.

Капа пожала его большую сухую ладонь и представилась тем же манером:

– Бойцова.

– А что так? – удивился он.

– А что не так? – удивилась она.

– Да просто фамилия вашего мужа – Ежевичкин.

– Да что вы говорите! Спасибо, буду знать.

Тараскин взглянул осуждающе.

– А что ж фамилию супруга не взяли? Хорошая фамилия, вкусная.

– Это и есть фамилия мужа.

– Первого?

– Единственного.

– А Ежевичкин кто тогда?

За свою долгую жизнь Капа встречала много бесцеремонных людей, но этот бил все рекорды. Она с угрозой приподняла левую бровь.

– Слушайте, Тараскин, не знаю вашего имени-отчества, что за нездоровое любопытство?

Сосед расплылся в улыбке.

– Да шучу я! Не мое это дело! Знакомлюсь я так! Понимать надо! Семен меня зовут!

А вас?

Улыбка его была такой добродушной, что у Капы пропал воинственный настрой.

– Капитолина.

– В гости приглашаю, Капитолина. Жена моя, Дарьюшка, сказала: иди соседей позови на чай.

– Да мне ужин готовить надо. Егор придет...

– Егору будет не до ужина. Наша рыбалка – это такая рыбалка! – загадочно ответил он. – Идем?

Капа посмотрела на спящую кошку, которой до хозяйки не было никакого дела, и согласно махнула рукой.

Через десять минут она сидела под яблоней и пила вкусный чай с мятой и чабрецом. Дарья Тараскина, семидесятилетняя женщина, по-хозяйски суежилась вокруг стола.

– Да сядь ты уже! – беззлобно прикрикнул Тараскин. – Голова болит от тебя: туда-сюда, туда-сюда!

Дарья села и положила натруженные руки на стол.

– И как вам здесь, Капитолина? Нравится?

– Можно просто Капа. Очень нравится, – ответила Капа и зачерпнула полную ложку варенья. – М-м-м, вкусно! Я тоже варю, но у меня оно не такое вкусное получается.

– Хозяйка! – довольно прогудел в усы Тараскин. – А первое время вообще ничего не умела. Все приходит с опытом, с годами.

– Неправда! Варенье у меня всегда хорошо получалось! – возмутилась Дарья.

– Да шучу я! – хмыкнул он и вытащил из пачки беломорину.

– Никогда не понимала твои шутки.

– Это потому, что у тебя чувства юмора нет, – парировал муж.

– Это потому, что шутишь ты коряво! – отрезала жена и придвинула гостье тарелку с пышной сдобой. – Угощайся, Капа.

– Угощаюсь! – Капа взяла ароматную булочку и щедро намазала вареньем. – Я, наверное, Егора уговорю в деревню переехать. Красота же! Буду целыми днями лежать в гамаке и свежим воздухом дышать.

– Целыми днями?! – ужаснулась Дарья. – Не знаю, я вот не могу без дела сидеть, тем более – лежать, мне двигаться надо, что-то делать. Я вот, например, домработницей устроилась.

– Это кому тут домработница понадобилась? – прошамкала Капа с набитым ртом, покрутила головой и ткнула пальцем в сторону соседнего дома с кривой печной трубой и рассыпающейся завалинкой. – Им?

Дарья засмеялась и показала на двухэтажный дом, возвышающийся через три улицы.

– Там убираю. Платят каждый день, к пенсии прибавка хорошая.

– И на кой? – недовольно прогудел Тараскин. – Нам что, денег не хватает? Да и Буцефал нас кормит!

Капа поперхнулась.

– Кто?!

Дарья обреченно отмахнулась, а Тараскин встал и поманил гостью пальцем.

– Пойдем, Буцефала моего покажу. За домом стоит.

Капа отпила из кружки и встала:

– Пойдем.

Тезкой коня Шуры Макендонского оказался трактор неопределенной модели. Весь в грубых сварочных швах, разноцветный, с фанерной дверью, с длинными рогами круглых велосипедных зеркал и закопченным шпилем выхлопной трубы – этакая сборная солянка из всего, что можно было найти на помойке. На радиаторной решетке гордо желтел шильдик с изображением вздыбившегося коня и скромной надписью «Ferrari».

– Сам собрал!

– Я так и поняла. И как он вас кормит? Ты его за деньги показываешь? Я тебе уже что-то должна?

– В аренду сдаю! – снисходительно ответил Тараскин. – Хочешь – телегу прицепи, хочешь – ковшом работай! А уж сколько я им машин из грязи повинылся в распутицу! Хороший конь! Соляры, правда, много жрет.

– Так он работает?

Тараскин оскорбленно посмотрел на Капу, лихо закусил папиросу и полез в кабину. Хлопнул фанеркой двери и завел двигатель. Трактор судорожно чихнул, взревел и приподнял ковш. Проехал пару метров назад-вперед, уперся ковшом в землю и несколько раз приподнялся, оторвав передние колеса от земли. Остальные трюки Капа разглядеть не смогла из-за плотной завесы черного дыма, клубящегося из трубы.

Она проснулась оттого, что ей очень захотелось пить. Эх, не надо было есть рыбу на ночь! Это все Егор – приволок целое ведро рыбы и изъявил желание ее отведать – пришлось жарить. Хорошо, что не успела ничего приготовить.

Она щелкнула храпящего Ежевичкина по носу, встала с разложенного дивана и прошлепала на кухню. Зачерпнула кружку воды из ведра и медленно, с наслаждением выпила. Вода была холодной и вкусной.

– Опухну к утру, – сказала она самой себе и снова зачерпнула. – Зато морщины разгладятся.

Делая неторопливые глотки, уловила краем глаза странные отблески.

– Что за дискотека? – в недоумении пробормотала она, глядя на мигающее вдалеке пятно света. Пятно мигало не бессистемно, а в четкой последовательности – это был сигнал SOS.

Капа торопливо поставила кружку и подошла к окну. Сигнал о помощи шел из того самого высокого дома, где подрабатывала домработницей ее новая знакомая Дарья Тараскина.

– Егор! – позвала она, не отрывая взгляда от окна.

Тишина.

– Егор! – она позвала громче.

Ежевичкин всхрапнул в ответ и что-то пробормотал.

– Полундра! – рявкнула Капа.

Ежевичкин вместе с одеялом скатился на пол. Принялся озираясь, щуря сонные глаза. Увидев смеющуюся Капу, с облегчением выдохнул и тут же возмутился:

– Сама не спишь и другим не даешь?!

– Сюда иди!

Ежевичкин швырнул одеяло на диван, подтянул трусы и прошлепал на кухню.

– Чего?

– Туда смотри!

Ежевичкин уставился в окно. Через несколько секунд с досадой почесал ногу.

– И что я должен там увидеть?

– Кто-то фонарем сигнал о помощи подавал: три точки – три тире – три точки.

Ежевичкин прекратил чесать ногу.

– Это SOS. Откуда морзянку знаешь?

Вопрос был задан таким тоном, будто морзянка – это священная государственная тайна, и знать ее могли лишь два человека в этом мире: Сэмюэл Морзе и он, пенсионер-подводник и каперанг в отставке, Егор Александрович Ежевичкин. А остальные – рылом не вышли.

– На Север собиралась когда-то, – пояснила Капа.

Даже в темноте она увидела его вытянувшееся от удивления лицо.

– Зачем? На Север зачем?

– На льдине поплавать. Вот, смотри!

Вдалеке снова замигал свет. Ежевичкин озадаченно пробормотал:

– Хм-м, действительно.

Он повернулся, но Капы в кухне уже не было – она одевалась в комнате. Он последовал ее примеру и схватился за джинсы, висевшие на спинке стула. Одевались спешно, молча, не обсуждая дальнейший план действий. Кошка Сусанна мирно спала в кресле. Умаялась за день.

Через пару минут они шли по ночной улице. Под ногами кроссовок хрустел гравий. Луна, выглядывающая из-за быстрых ночных облаков, освещала путникам дорогу, пролегающую мимо гор строительного мусора, сваленного вдоль заборов.

– А ты мне ничего не рассказывала про Север.

– А я туда не добралась.

– Почему?

– Милиция поймала на вокзале, – неохотно ответила она и обернулась на легкий шорох за спиной. Подбежавшая Сусанна села и облизнулась.

– Ладно, пойдем! – разрешила Капа.

Кошка засеменила рядом.

Троица свернула в переулок, прошла около пятидесяти метров и уперлась в большой забор из профнастила.

– Пришли, – сказал Ежевичкин и глянул на второй этаж, одно окно которого мерцало слабым свечением то ли телевизионного экрана, то ли компьютера.

– Переулок Изумрудный, 10, – прочитала Капа на адресной табличке. – Егор, ты заметил, чем благозвучнее название улицы, тем больше всякого дерьма на ней происходит? И наоборот. Вот у нас в городе есть улица Отхожая – так там все дома с табличками «Дом образцового содержания».

Ежевичкин не ответил, внимательно глядя в узкую щель между калиткой и забором.

– Что там? – спросила Капа.

Он пожал плечами.

– Да ничего особенного. Свет горит на первом этаже. Во дворе стоит джип. Номеров не вижу.

– Людей видишь?

– Тихо! Я что-то слышу!

Он поднял указательный палец, призывая к тишине, плотнее прильнул к щели правым глазом и тут же отпрянул. Забор немного качнулся, будто на него навалилось что-то тяжелое. Ночную тишину пререзало грозное рычание.

Сусанна, до этой поры спокойно сидевшая в ногах Капы, зашипела и выгнула спину дугой. Отчетливо хлопнула входная дверь.

– Что там?! Глянь! – раздался мужской голос.

Капа подхватила шипящую кошку и помчалась в сторону темного недостроенного дома. Ежевичкин, поколебавшись, бросился следом.

Громко и резко лязгнул отодвигаемый засов.

Капа юркнула в темноту дверного проема, а Ежевичкин, споткнувшись, полетел на землю. Приземлившись на локти, закатился за кучу мусора и накрылся куском рубероида.

Калитка отворилась. На улицу выскочили два огромных ротвейлера, они синхронно опустили носы к земле, втянули воздух и помчались в направлении недостроенного дома.

– Егор! Сюда! – прошипела Капа. Ежевичкин не шевелился, боясь выдать себя. Тогда она развернула кошку к себе и заглянула в желтые глаза.

– Спасай, мать!

Сусанна прыгнула на пыльный бетон и выбежала на дорогу. Выгнула спину, подняла хвост трубой и вызывающе оскалилась.

Собаки притормозили и уставились на кошку. Та фыркнула и побежала по дороге, изящно и легко набирая скорость. Собаки с грозным рыком, с силой отталкиваясь лапами от земли, помчались следом с оглушительным лаем. За ними уже бежали двое мужчин.

– Цезарь! Дункан! Ко мне, мать вашу! Это кошка! – заорал один, бородатый. Второй, худощавый, молча размахивал длинными ремнями поводков.

Капа выбежала из укрытия и сбросила рубероид с Ежевичкина.

– Разлегся тут! Давай к дому!

– А Сусанна?!

– Поверь, с ней все будет нормально! – заверила она и побежала. Он глянул в спины мужчин, прислушался к затихающему за поворотом лаю и последовал за ней.

Капа, осторожно заглянув за калитку, шагнула во двор, но подоспевший Ежевичкин цепко схватил за плечо.

– Я сам! Может, там еще кто-то есть!

– Если что, прикинься рубероидом и скажи, что ждешь трамвая!

– Тебе из всего надо цирк устроить? За улицей следи.

Едва он зашел в дом, как за поворотом послышались громкие голоса и собачий вой.

– Егор, атас! – крикнула Капа.

Выбежавший Ежевичкин схватил ее за руку и увлек в темноту деревьев на противоположной стороне. И очень вовремя, потому что на лунном горизонте замаячили две человеческие фигуры, тащащие на поводках упирающихся собак. Охранники приблизились, и уже можно было услышать их разговор:

– Цезарю весь нос расцарапала, зараза! – зло сказал бородатый.

– Надо было камнем в нее! – запоздало посоветовал худощавый.

– Ага, камнем! Она на дерево прыгнула – и всё, нет ее! Бесят меня кошки!

– А меня алхимик наш бесит! Надо надавить на него – пусть быстрее свои формулы рождает! Неделю телится! Зря ты не дал ему пальцы сломать!

– У самого желание его фонарем по башке отоварить, но нельзя! А, черт! Фонарь у него в комнате забыл!

Хлопнула калитка, и наступила тишина.

Ежевичкин с облегчением выдохнул и вытер пот со лба.

– Жива Сусанна. Убежала.

– А что я тебе говорила? – усмехнулась Капа. – Ты лучше скажи, что видел?

– Да не успел я ничего увидеть. Лестницу видел.

– Вот и посылай тебя после этого на ответственное задание. Ладно, что мы знаем? Есть некий алхимик, который крепко задолжал нехорошим людям какие-то формулы. Что за формулы? Кстати, чем у нас алхимики занимаются?

– Философский камень ищут, – буркнул Ежевичкин и отряхнул испачканные джинсы.

Из кустов выскочила черная кошка.

– Сусанна!

Кошка прыгнула ему на руки и громко заурчала. Он заботливо погладил ее по покрытой колючками лоснящейся шерсти.

– Молодец! – сдержанно похвалила Капа. – А теперь мы найдем участкового.

– Он тут не живет, – ответил Ежевичкин, выковыривая колючки из шерсти кошки. – Это я от местных узнал.

– А где он живет? – не поняла Капа.

– Людей не хватает, он один три села тянет. Живет в Дармоедовке, а это в тридцати километрах отсюда. Звони сразу «102».

Она вытащила свой кнопочный телефон.

Дежурный выслушал и предупредил, что придется набраться терпения, так как сейчас очень много вызовов, а патрульных экипажей не хватает. Капа пообещала, что будет очень верно ждать и отключилась.

– Участковых не хватает, патрульных не хватает – куда мы катимся?

Капа прихлопнула мошку на щеке и снова взглянула в зеленый экранчик телефона: с момента звонка в полицию прошло тридцать семь минут.

– Похоже, они не приедут!

– Машина! Прячься! – Ежевичкин шмыгнул за дерево.

Капа нырнула в кусты и, раздвинув жесткие ветки, заняла позицию наблюдателя. Кошка вскарабкалась на дерево и растворилась в темной листве.

Сначала на металлической поверхности забора заплескали отсветы проблескового маяка, затем появилась сама машина. Она с тихим шуршанием подъехала и остановилась. Из салона вышел толстенький полицейский и, позевывая, направился к калитке. Его напарник остался сидеть за рулем – видно, его мотивации и зарплаты не хватало даже на то, чтобы вылезти из машины.

Полицейский нажал на звонок, почесал задницу и снова зевнул. Во всех его движениях, сонных и неторопливых, сквозило горячее желание служить трудовому народу и непоколебимая готовность стойко переносить тяготы полицейской службы.

Калитка открылась, и показался уже знакомый бородач.

– Старший сержант Мешков, – вяло козырнул полицейский. – Сигнал поступил, будто вы удерживаете человека.

Бородач рассмеялся.

– Что за бред, сержант! Кто вам такое сказал?!

– Ну, бред-не бред, а сигнал поступил. Дежурный его зафиксировал, передал нам, а мы обязаны проверить. В дом пустите.

Бородач притормозил его ладонью в грудь. Он уже не смеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.